

Вартанян Евгений Варданович

ПРОБЛЕМАТИКА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОБРАЗУЮЩЕГО ЦЕНТРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются последствия ситуации, сложившейся в экономике и связанной с распадом ценностно-смысловых установок в современном мире. Кризис социокультурной сферы как таковой вынуждает искать актуальные ориентиры за ее пределами, в связи с чем приобретают особую значимость каузальные факторы экономической деятельности, сводящиеся к потребностям человека. Дальнейшее развитие рассматриваемой области предполагает восстановление гармонии между человеком и внешней средой, включающее полноценную реализацию имеющихся возможностей с потребностями в качестве центрального элемента.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 1. С. 38-41. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1; 122/129

Философские науки

В статье рассматриваются последствия ситуации, сложившейся в экономике и связанной с распадом ценностно-смысловых установок в современном мире. Кризис социокультурной сферы как таковой вынуждает искать актуальные ориентиры за ее пределами, в связи с чем приобретают особую значимость каузальные факторы экономической деятельности, сводящиеся к потребностям человека. Дальнейшее развитие рассматриваемой области предполагает восстановление гармонии между человеком и внешней средой, включающее полноценную реализацию имеющихся возможностей с потребностями в качестве центрального элемента.

Ключевые слова и фразы: экономическая деятельность; язык; реальность; потребности человека; кризис ценностей; институционализм; современное общество.

Вартанян Евгений Варданович

*Московский городской педагогический университет
indulgence490@gmail.com*

ПРОБЛЕМАТИКА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОБРАЗУЮЩЕГО ЦЕНТРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Развитие экономической деятельности на протяжении истории человечества, помимо очевидного положительного влияния на хозяйственную, социальную, культурную и другие сферы, имеет и обратную сторону. Негативные аспекты выражаются в деструктивном влиянии на общественное сознание вследствие формирования ложных ценностей.

Очевидно, что изначальной предпосылкой экономического прогресса является биологическая природа человека, заставляющая адаптироваться к условиям окружающего мира. При этом экономическую деятельность в целом можно считать одной из важнейших сфер эволюционного развития вида, охватывающей процессы удовлетворения потребностей человека в природной и социальной средах. На протяжении истории в данной сфере прослеживаются полярные тенденции: с одной стороны, к непосредственной реализации желаний, с другой, – к их подавлению.

Превалирование второго сценария сводится к возникновению в общественном сознании ценностных установок, согласно которым нравственные конструкты вытесняют инстинктивное начало. Данная ситуация может быть объяснена ошибкой в формировании системы ориентации субъекта в мире. Так, дихотомия нравственности и природной сущности человека имеет место лишь при выполнении ряда условий, среди которых – преобладание бинарных оппозиций в мировосприятии, сведение феноменов окружающей реальности к абстрактным категориям, а также стигматизация биологических механизмов человеческой активности.

Исходное состояние, заставляющее искать способы сведения комплексных структур к двойственности, описано Гегелем в «Лекциях по философии духа» как дезориентация сознания в многообразии опыта, влекущая за собой страх утраты идентичности [2, с. 16]. Решением данной проблемы традиционно считается отождествление субъекта с каким-либо из элементов рассматриваемой системы, однако релятивистичность ее описания средствами языка позволяет судить о спекулятивности подобного подхода. Тем не менее текст зачастую играет более существенную роль в жизни человека, нежели окружающая реальность как таковая: социальные конвенции проникают в индивидуальное сознание вместе с языком и его внутренней логикой.

Глубинные причины данного феномена затрагивает Э. Фромм в работе «Здоровое общество», объясняя подобную ситуацию потребностью «...в какой-нибудь системе ориентации, независимо от того, истинна она или ложна. Если у человека нет такой субъективно удовлетворяющей его системы ориентации, он не может быть психически нормальным» [6, с. 78].

На современной стадии развития экономической деятельности личность, кристаллизованная описанным образом, не может выступать в качестве подлинного субъекта. Индивид, подчиненный внешним ориентирам, не способен представлять собственные потребности ни как потребитель, ни как производитель благ. Проявления природной сущности человека в подобной ситуации искажаются и подавляются вследствие подмены конструктивной активности актом абстрагирования. Это выражается, в частности, в виде контраста между расширяющимися возможностями самоактуализации субъекта и невротизацией социума.

В сфере экономической деятельности описанная проблематика усугубляется тем, что ряд ее структурных элементов основан на абстракциях (например, – деньги, собственность). Вследствие этого отсутствует возможность принципиального различения искусственных и естественных феноменов средствами категориального аппарата экономики. Тем не менее дифференциация происходит, однако не в рамках абстрактного мышления, а в самой исторической действительности, проявляющей роль элементов экономической деятельности в контексте эволюционных процессов природы.

Прогресс, обусловленный развитием потребностей человека, расширил экономическую сферу далеко за пределы проблематики хозяйственной деятельности. Углубление знаний об окружающем мире наряду с их синтезом в рамках междисциплинарного подхода (в данном контексте – интеграция экономики с математикой, социологией, психологией и другими науками) оставляют все меньше пространства для условностей и ригидных представлений о механизмах социально-экономических отношений.

К настоящему времени в общественной и культурной сферах сформировались ложные ценности, ограничивающие реализацию субъекта крайне бедным набором целей, который, в свою очередь, замкнут на внешних проявлениях экономических и социальных процессов (наглядная иллюстрация этого – феномен так называемого «показного потребления», описанный Т. Вебленом [1]). Тенденции, проявившиеся в экономической сфере в XX – начале XXI в., свидетельствуют о необходимости переосмысления ценностных ориентиров в ракурсе соответствия вектору подлинного развития.

Ярчайшим примером краха традиционных представлений о сущности и механизмах функционирования экономических процессов явилась Великая депрессия 30-х гг. Она показала несостоятельность существующих концепций в контексте описания сферы хозяйственных отношений: дискуссии об истинных причинных кризиса продолжались до сих пор. При этом средство, позволившее стабилизировать ситуацию в экономике (имеется в виду доктрина Дж. М. Кейнса), лежало за пределами классической экономической теории.

Исследователь писал: «Всякое правительство может существовать долгое время, печатая бумажные деньги. Это значит, что оно может получить таким образом распоряжение над ресурсами столь же реальными, как и те, которые поступают налоговым путем. Средство это дискредитировано, но действенность его в известных пределах неоспорима» [5, с. 108]. Результативность предложенных Кейнсом мер позволила судить о неустойчивости экономических закономерностей ввиду их подверженности влиянию ценностных факторов.

Практическая реализация концепции Кейнса стала возможной благодаря наличию ценностной установки, связанной с отождествлением денег и богатства. Это дало возможность ухода от «золотого стандарта» в пользу увеличения массы бумажных денег, что, как показала практика, оказалось абсолютно адекватной мерой. Таким образом кризисная ситуация подчеркнула необходимость формирования нового подхода к рассмотрению сущности денег. Именно их знаковая природа позволила осуществить переход от так называемого «золотого стандарта» к Бреттон-Вудской, а впоследствии – и Ямайской валютной системе. Стабильность стоимости денег уступила роль волатильности, вследствие чего проявилась их подверженность влиянию неограниченного числа факторов, среди которых золото и труд являются лишь частностями.

Сегодня мы можем с большой долей уверенности судить о том, что элементы экономической деятельности не несут в себе какого-либо содержания, кроме того, которое задается совокупностью всех факторов системы, активных в данный момент. Они представляют собой сложные структуры конвенционального характера, что иллюстрируется многообразием и изменчивостью дефиниций базовых экономических явлений (труда, денег, собственности, экономической свободы) на протяжении истории. Упомянутые сущности не могут быть обнаружены в чистом виде ни в окружающей природе, ни в индивидуальном сознании, – они представляют собой лишь промежуточные результаты деятельности человека, связанной с опредмечиванием его потребностей.

Таким образом, для корректного использования той или иной экономической категории необходимо принимать во внимание всю совокупность культурно-исторических условий, в контексте которых она была сформирована. В противном случае понятия, взятые в «широком смысле», суммируются в эклектичные и аморфные в содержательном аспекте представления о функционировании системы экономической деятельности. Это существенно снижает возможности контроля над ее процессами, делает затруднительным прогнозирование и в конечном счете служит препятствием к прогрессивному развитию. Именно поэтому в современном мире возникает запрос на формирование достаточно гибкой картины экономической реальности, которая позволила бы своевременно учитывать нелинейную динамику множества влияющих на систему факторов, при этом не теряя информативности.

Заметный прогресс в данном направлении был обеспечен институциональной теорией, в которой система хозяйственных отношений рассматривается как совокупность экономических и неэкономических аспектов. Институционализм берет свое начало в работе Т. Веблена «Теория праздного класса»; в основе концепции лежит переосмысление роли человека в экономической сфере в соответствии со спецификой современного общества.

Исследователь определяет институты как «...распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций; и система жизни общества, которая <...> может с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как преобладающая духовная позиция или распространенное представление об образе жизни в обществе» [1, с. 201-202]. Таким образом, отличительной чертой институционализма является акцентирование роли общественных структур как основных факторов, организующих экономическую деятельность.

В данной связи возникает проблема формализации критериев, которые позволили бы однозначно отнести тот или иной сегмент социально-экономических отношений к конкретному институту. Поскольку человеческие потребности универсальны для всех представителей социума и являются фундаментом любой целенаправленной активности, то становится очевидным, что именно специфика способов их удовлетворения определяет мировосприятие, а также характер деятельности индивида. Таким образом, в ходе формирования либо принятия абстрактной модели внешнего мира, посредством которой осуществляется сознательное взаимодействие с окружающей реальностью, и выделяется доминирующий элемент, вокруг которого образуются институт.

Например, стремление человека к установлению контроля над внешними процессами, среди прочего, способствует развитию научной сферы: воля к власти реализуется путем использования интеллектуальных возможностей и накопленного знания. Акцентуация морально-нравственных принципов (культура, религия) позволяет судить о проявлении проблематики безопасности в сфере ценностей. В конечном счете подлинные основы мировосприятия и активности сводятся к биологической природе человека, его инстинктивным программам, которые, будучи помещенными в тот или иной исторически сложившийся социальный контекст, принимают разнообразие и зачастую противоречивые формы.

Акцентируя динамичность институциональной концепции, Веблен указывал на нестационарность лежащих в ее основе процессов взаимодействия человека и окружающей среды: «Социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие или господствующие типы отношений и духовную позицию; они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений...» [Там же, с. 200].

Принципиальное отличие между институциональной структурой общества и традиционными системами разделения социума состоит главным образом в степени гибкости. Институциональные образования могут принимать любое содержание, поскольку, по сути, представляют собой средство преодоления человеком дезориентации в условиях кризиса смысловых ориентиров путем самоотжествления с теми или иными сегментами социальной реальности. Проблематика роли отдельного субъекта в сфере социально-экономических отношений при этом остается неразрешенной, поскольку принципы, составляющие фундамент институциональных структур, представляются в значительной степени общими и не подразумевают достаточной детализации.

Тем не менее возникновение концепции институционализма отражает тенденцию к отказу от статичных моделей общественной реальности в целях более достоверного ее понимания. Крах общепринятых способов мышления в экономической науке на фоне стремительных трансформаций окружающей действительности показал невозможность построения адекватной модели социально-экономических отношений средствами одного лишь языка, релятивистичность и конвенциональность которого не позволяет принять его в качестве системообразующего элемента сознания.

Имея в виду постепенную деактуализацию традиционных способов мышления, современные исследователи предлагают принципиально новые концепции познания, среди которых наиболее показательны такие философские направления, как деконструктивизм и так называемая «археология знания».

Автором концепции деконструктивизма является Ж. Деррида, рассматривающий язык не как средство трансляции смысла, а как непосредственную реальность, внутренняя динамика которой обеспечивается вариативностью содержания элементов текста. Собственно деконструкция позволяет проследить формирование языковых структур в ходе взаимодействия более простых элементов, лишенных собственного смысла («С того момента, когда вы замечаете, что слово не значит что-то одно, что оно может значить две разных и, может быть, две противоположных вещи, – с этого момента вы начинаете замечать материю языка и акт письма. Поэтому деконструкция – это не философская система, это способ письма – не использование языка, а вовлеченность в язык, и вовлеченность в разные языки, в различные идиомы» [4]).

Применение данного подхода к рассмотрению экономики сводит ее к проблемам, лежащим за пределами исторически сложившихся хозяйственных отношений: «наука, соотносящая объекты мышления с верховными моментами, фактически есть не что иное, как общая экономика, рассматривающая смысл этих объектов в отношении друг к другу, а в конечном счете – в отношении к утрате смысла» [3, с. 341].

На наш взгляд, пессимистичная позиция Деррида обусловлена априорностью идеи тождественности реальности и текста в его исследованиях. Альтернатива заключается в предположении о том, что смысловое содержание человеческой деятельности не может быть обнаружено в описывающем ее тексте, – оно находится вовне, в связи с чем возникает необходимость выявления глубинных причин, обуславливающих формирование языковых конструкций, а не вытекающих из них.

Исследования Деррида продемонстрировали, что возможности языка сводятся к маркировке определенных точек пересечения субъекта и объекта, подразумевающих формирование ассоциативных рядов. При этом фиксация однозначного смыслового содержания может быть осуществлена только при выполнении ряда условий. С одной стороны, социально-экономическая среда должна быть изолирована, насколько это возможно, от внешних влияний; с другой, – необходим фактор принуждения к конформности с тем или иным семантическим пространством. Примером этого может выступать патриархальное общество, в котором значимость авторитета обеспечивается закрытостью системы и отсутствием рациональных альтернатив.

Сегодня становится очевидным, что процесс глобализации привел к инфляции установок долженствования, что дало возможность относительно свободного применения языка как средства формирования смыслов в соответствии с ситуационной спецификой, а также потребностями субъекта, продуцирующего текст. Обнаружение потребностей и принятие их в качестве структурирующих элементов сознания является принципиальным моментом в контексте дальнейшего развития и минимизации искажений мировосприятия, возникающих за счет некритического принятия существующей ценностно-смысловой парадигмы. В данной связи становится актуальной расстановка приоритетов, которая позволила бы связать весь спектр потребностей в целостную и эффективную структуру.

Данный вопрос глубоко изучен М. Фуко, отмечавшим, что на протяжении истории главенствующая роль длительное время принадлежала потребности в безопасности на всех уровнях социальной иерархии, которая обеспечивала возможность относительно стабильного существования патриархального строя [7, с. 105-106]. Согласно концепции мыслителя, экономическая деятельность представляет собой средство достижения власти. При этом стремление к ней может отражать как завуалированную потребность в безопасности, так и волю к знанию, которое позволяет человеку свободно реализовывать себя в тех или иных обстоятельствах.

Фуко доказывает, что стремление к знанию является основной движущей силой для каждого отдельного субъекта [8]. Мыслитель рассматривает знание и власть как разные модальности одного и того же явления: «...полезное для власти или противостоящее ей знание производится не деятельностью познающего субъекта, но властью-знанием, процессами и борьбой, пронизывающими и образующими это отношение, которое определяет формы и возможные области знания» [9, с. 43]. Таким образом, на фоне диссолюции искусственных

границ культурного, этнического и политического характера в социуме стремление к власти приобретает характер универсального фактора, направляющего человеческую деятельность.

Потенциал власти и знания является общедоступным, однако успех его реализации находится в прямой зависимости от первопричин, побуждающих человека устанавливать контроль над внешними факторами. Как уже было упомянуто, функцию наиболее глубинного каузального фактора в данном контексте может выполнять как потребность в самоактуализации, так и – в безопасности. Иными словами, существуют две принципиально различных предпосылки, обуславливающих дальнейшую активность человека в сфере удовлетворения его базовых потребностей. Их соотношение в социуме во многом определяет развитие экономической деятельности на протяжении того или иного исторического периода.

Приоритетность безопасности объясняется актуальностью выживания человека в неблагоприятной среде: решающую роль при этом играет интеграция индивида с обществом, обеспечивающим определенную базу для существования. При этом социум в целом находится в своеобразной изоляции, способствующей восприятию географических, культурных, религиозных, политических, идеологических и других факторов как неизменной данности. Результатом этого является логоцентричность доминирующей мировоззренческой позиции.

В современном мире на фоне формирования глобальной цивилизации подобная ситуация может поддерживаться лишь искусственным путем: естественным образом происходит «разгерметизация» существующих систем ориентирования, содержание которых не может оставаться прежним ввиду внедрения новых элементов извне. Сегодня экономическая сфера уже не нуждается в жесткой структуре ценностных установок, – инфляция традиционных ценностно-смысловых конструкций исключает их использование в качестве основы дальнейшего развития.

Становится очевиден тот факт, что подлинная реальность экономической деятельности сводится к потребностям человека, лежащим в основе всякого социального феномена. Язык, культура, хозяйство и общественное устройство в целом выступают в качестве условностей, назначение которых состоит в обслуживании процесса удовлетворения потребностей, и которые теряют всякий смысл при обособлении в самостоятельные явления.

Специфика жизнедеятельности человека такова, что ее объективная оценка может быть произведена только путем соотнесения индивидуальной активности с вектором эволюционного развития. В настоящее время актуальна индивидуальная реализация в ракурсе превосходства над усредненным, «нормальным» уровнем, тогда как кристаллизация в нем характеризует неэффективность развития. При этом критерием успеха в самоактуализации целесообразно принять достижение гармонии между личностью и окружающей реальностью. Расширяя сферу своего влияния и адаптируясь к внешним обстоятельствам, человек интегрируется в природные процессы, и его присутствие в мире приобретает определенную значимость.

Таким образом, базовым условием общественного и индивидуального благополучия являются не гомеостатические процессы, протекающие на фоне усугубляющейся невротизации социума, а определенное сочетание экзо- и эндогенных факторов, позволяющее конкретному индивиду продолжать экспансию в те или иные области бытия. Знание собственной природы, гибкость в выборе методов достижения целей и понимание причинно-следственных связей внешней среды необходимы для поддержания состояния, открывающего возможности развития в условиях непрерывной трансформации субъекта и объекта.

Список литературы

1. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии духа / пер. с нем. М.: Дело, 2014. 304 с.
3. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с франц. СПб.: Академический проект, 2000. 495 с.
4. Деррида Ж., Хартман Д., Изер В. Деконструкция: триалог в Иерусалиме [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Derr/dekon.php (дата обращения: 05.07.2016).
5. Кейнс Дж. М. Избранные произведения / пер. с англ. М.: Экономика, 1993. 543 с.
6. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе / пер. с нем. М.: Транзиткнига, 2005. 571 с.
7. Фуко М. Безопасность, территория, население / пер. с франц. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
8. Фуко М. Власть и знание [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_14.php (дата обращения: 11.08.2016).
9. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с франц. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

PROBLEM OF LANGUAGE AND REALITY RELATION IN THE CONTEXT OF FORMING A MEANINGFUL CENTRE OF ECONOMIC ACTIVITY

Vartanyan Evgenii Vardanovich
Moscow State Pedagogical University
indulgence490@gmail.com

The article discusses implications of a situation that takes place in economy and is related to collapse of value-semantic positions in the modern world. Crisis of socio-cultural sphere as such forces us to seek topical reference points beyond it, and therefore, causal factors of economic activity reduced to human needs acquire significant importance. Further development of the area under consideration involves restoration of harmony between the human being and environment including full implementation of existing opportunities with needs as a central element.

Key words and phrases: economic activity; language; reality; human needs; crisis of values; institutionalism; modern society.